

УДК 372.8:811.111

**ЛИТЕРАТУРА ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА
В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

¹И. В. Гладиллина, ²Л. Н. Скаковская

Тверской государственный университет

¹*кафедра русского языка*

²*кафедра международных отношений*

Предмет данной статьи – использование литературы духовного реализма в практике преподавания русского языка как иностранного в антропоцентрическом контексте. Обосновывается филологическая и дидактическая целесообразность обращения к литературе духовного реализма, рассматриваются вопросы об отборе авторов и произведений.

Ключевые слова: преподавание русского языка как иностранного, православное мирозерцание, духовный реализм, антропоцентризм.

Антропоцентризм в гуманитарном знании и практике предельно кратко определяется как «человекомерный» подход к социальным связям и отношениям и к взаимодействию человека с окружающим миром в целом; применительно к теории и практике преподавания русского языка современная **антропоцентрическая парадигма языкознания** в своем прикладном развитии пересекается с **антропоцентрической образовательной парадигмой** и результирует в **антропоцентрическую лингвометодику**, что наиболее явственно проявляется в **лингвострановедческом** и **лингвокультурном** аспектах преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в **коммуникативном подходе** как целенаправленном формировании навыков межличностного общения, далее в **когнитивную лингвометодику** как направленную на формирование навыков освоения знаний и речевого мышления на русском языке и в **аксиологическую лингвометодику**, нацеленную на отображение и презентацию национально и конфессионально специфических систем ценностей.

Современная русистика накопила богатый понятийно-терминологический инструментарий, связанный с реализацией антропоцентрического подхода. «“Образ автора”, “языковая личность”, “концепт”, “концептосфера” и смежные антропоцентрические понятия современной русистики позволяют выйти за пределы “традиционного” системно-структурного языкознания в междисциплинарные области прагмалингвистики и прагмастилистики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики и других дисциплин, ориентированных на “феномен человека” как на свой главный объект» [1, с. 4]. Актуальная задача практического преподавания – адаптировать антропоцентрические понятия русистики как филологической науки к целям обучения русскому языку.

Комплексное решение данной задачи в случае преподавания РКИ наиболее успешно достигается на базе использования текстов любых высокохудожественных произведений русской литературы [2], однако целостное представление

о менталитете русского человека в его глубинных основах, которые питаются христианским православным мирозерцанием, может решаться на основе только такой художественной литературы, которая фундируется религиозным православным мирозерцанием. В этом главное основание целесообразности обращения к **литературе духовного реализма** (более подробно мотивировку целесообразности обращения к литературе духовного реализма в практике преподавания РКИ, которая, в другой терминологической огласовке, предстает также как *православная художественная литература, духовная проза, религиозная художественная литература, христианская проза* или даже *приходская проза*, см. в нашей предшествующей работе: [3]).

В литературоведческой и методической литературе пока не сложилась устойчивая традиция терминологически однозначного именования данного литературного феномена. Часто пользуются термином *духовная проза*, который, с одной стороны, оказывается расширительным, поскольку отсылает не только к художественной литературе, но и к святоотеческой традиции, к философской прозе и публицистике, то есть, на наш взгляд, слишком широк, чтобы использоваться для обозначения феноменов именно художественной литературы, с другой стороны, слишком узок, поскольку исключает феномены *духовной поэзии* и *духовной драмы* (ср., например, следующее спорное в указанных отношениях определение: «**Духовная проза** – это пласт художественных произведений религиозно-церковной тематики, авторами которых являются как православные священнослужители, так и верующие светские писатели. В качестве синонима может употребляться термин **православная проза**, более конкретно подчеркивающий конфессиональную принадлежность ее создателей» [9]). **Духовный реализм**, как более точный, на наш взгляд, термин, применительно к целям преподавания РКИ целесообразно определить как *отображение в художественной литературе православного мирозерцания, высших форм духовно-религиозного опыта* [5] (ср. в определении А. М. Любомудрова, одного из первых исследователей, инициировавших использование данного термина: «...отражение религиозной культуры в художественной литературе» [11, с. 113]).

Целенаправленное обращение в практике преподавания русского языка к художественной литературе духовного реализма органично выводит педагогическую ситуацию за пределы собственно антропоцентрической парадигмы – в парадигму **теолингвистики** с идеями *богочеловечества* и *теоцентризма* в числе основополагающих, далее в ее прикладные педагогические преломления (см., например, фундаментальные работы В. И. Постоваловой: [13; 14]). Тем самым, различные области языкознания и преподавательской практики, включая лингвокультурологию, филологическую концептологию и антропоцентрическую лингвометодику, находятся, по удачному выражению О. Н. Кушнир, как бы «на перепутье» различных парадигм: антропо-, тео- и идеоцентрической [8, с. 166–199] (имеются в виду гуманистическая, духовно-религиозная и секулярно-идеологическая парадигмы). В развитие этой метафоры можно утверждать, что дальнейшее движение с этого «перепутья», во-первых, возможно лишь по пути их органического сочетания, а не противопоставления – как якобы несовместимых, во-вторых, на этом «перепутье» находится не только лингвокультурология, в том числе как одна из лингвометодических основ преподавания русского языка как иностранного, но и вся практика секулярного образования, одной из задач которого в проекции на задачи обучения коммуникации заключается в ориентации на специфику внутри- и межконфессионального общения [15].

Каких авторов, какие произведения русской классики, связанные с феноменом духовного реализма в указанном выше смысле данного понятия, можно было бы рекомендовать для лингвометодической адаптации к целям преподавания русского языка как иностранного в первую очередь? Общие ориентиры могут быть обнаружены заинтересованным преподавателем в шеститомном пособии профессора Московской Духовной академии М. М. Дунаева (1945–2008) «Православие и русская литература», суммированном в объемном издании под названием «Вера в горниле сомнений» [7]. «Ближайшие» рекомендации, которые представляются наиболее очевидными, могут быть, на наш взгляд, суммированы в следующем ориентировочном списке (приводим его не как руководство к непосредственному действию, но как пример возможных направлений филологического и конкретно-методического поиска).

Философские и христианские мотивы в поэтическом творчестве А. С. Пушкина: жизнь и смерть («Я пережил свои желанья...»), «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), мотив безверия («Безверие», «Демон», «Дар напрасный, дар случайный...»), идеал человека («Пророк», «Подражание Корану», «Отцы пустыньники и жены непорочны...»), мотив посмертной памяти («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), возможно, в сопоставлении со стихотворением «Памятник» Г. Р. Державина).

Философские и христианские мотивы в поэтическом творчестве М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева – в контексте пушкинской (возможно, ломоносовской и державинской) традиции.

Духовная проза Н. В. Гоголя. «Выбранные места из переписки с друзьями» (избранные адаптированные фрагменты): вопросы о дворянстве, о значении церковной поэзии, об отношениях Европы и России, о роли женщины в обществе, о духовных началах русского национального характера, о строении души верующего и др.

Евангельские мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: сцена чтения Соней притчи о Лазаре, преступление Раскольникова в свете притчи; притча о блудном сыне; покаяние и воскресение Раскольникова; сны Раскольникова.

Евангельские мотивы в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (возможно, в кратком изложении и избранных отрывках): Иван Флягин как художественное воплощение русского национального характера, православная религиозность Ивана Флягина как основа жизнестойкости.

Художественное воплощение русского православного человека в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: образ жизни Марфы Тимофеевны, смерть Глафиры, образы матери Федора Лаврецкого и няни Агафьи, образ жизни Калитиных, поведение молящихся в храме, Лиза Калитина как христианка (воспитание, взгляды, поведение и душевное устройство в целом, путь к иночеству).

Роман И. А. Гончарова «Обломов» как размышление о своеобразии русского характера, о России и ее судьбе: Обломов и Штольц, противоречивость характера Обломова, смысл его жизни и смерти. Вопрос об интерпретации слова *обломовщина*: обличение или художественно гиперболизированный «идеал жизни»?

Избранные отрывки из произведений Л. Н. Толстого, которые могут быть использованы как страноведческие иллюстрации к православной жизни русских и как художественное отображение духовно-религиозных основ русского национального характера.

Разумеется, приведенные рекомендации достаточно сложны для дальнейшей конкретно-методической адаптации к целям преподавания русского языка

как иностранного. В случае прозаических текстов первый необходимый этап такой адаптации – формирование комплекта подходящих относительно законченных по смыслу отрывков. Ограничимся двумя примерами из названных произведений, представляющих едва ли не наибольшие трудности.

Пример 1.

Отрывок из трактата Н.В. Гоголя «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии», примыкающего по содержанию и стилистике к его религиозно-публицистической книге «Выбранные места из переписки с друзьями» [6], пригодный для выстраивания обсуждения в аудитории вопросов о внутренней жизни православного верующего, об особенностях его духовного устройства.

Рабочее название отрывка – «Об унынии».

«Уныние есть величайший из грехов, а потому, как только одна тень его набегит на нас, мы должны тот же час прибегнуть к Богу и молиться от всех сил наших.

Уныние одолевает иных тогда, когда *почувствуешь свою слабость и бессилие*, уныние от того, что бессилён и мал духом, одолевало всякого и знакомо всем. Самые сильные характеры чувствовали так же свое бессилие, как и самые бессильные. Разница в том, что сильнейшим посылаются испытания сильнейшие, несчастья тяжчайшие; слабейшим слабейшие. И потому в такие минуты никак не следует отчаиваться, но молиться крепче и крепче до тех пор, пока не умягчится душа и не разрешится слезами. Немедленно после молитвы, когда воздвигнется хотя на время дух, перечитать все правила и наставления в жизни, какие есть у нас выписаны и какие должны быть у всякого, перечитать журнал свой, все записанные там грустные и тяжелые минуты. Потом взглянуть на свои настоящие обстоятельства, на свое положение и на свои огорчения текущие. И когда обдумаем, взвесим и сравним все, тогда вдруг как молния осияет и озарит нас Самим Богом ниспосланная мысль, и мы находим тогда средства помочь тому, чему и не думали быть в силах помочь.

У человека нет своей силы; это он должен знать и помнить всегда, – и кто надеется на свою силу, тот слабее всех в мире. Мы должны быть крепки Божьей силой, а не своею. Твердейшими характерами сделались только те, которые сильно падали духом и бывали в некоторые минуты жизни бессильнейшими всех. Это-то самое и заставило их всеми силами вооружиться против собственного бессилия. Они старались, молились, беспрестанно испрашивая помощи, и таким образом окрепли и сделались твердейшими. Те же, которые нам иногда кажутся сильными потому только, что имеют грубую и жесткую натуру, не знают жалости, способны оскорблять, деспотствовать и выказывать характер свой капризами, – те кажут только одну мишуру силы, а в самом деле ее не имеют. На первом несчастье, как на пробном камне, они узнаются. При первом приступе несчастья они оказываются малодушными, низкими, бессильными, как ребенок; тогда как слабейшие возрастают, как исполины, при всяком несчастье. «Сила моя в немощи совершается», – сказал Бог устами апостола Павла». (337 слов.)

Пример 2. Отрывок из романа Л. Н. Толстого «Воскресение» (часть первая, глава XV).

Рабочее название отрывка – «На Пасху».

«Всю жизнь потом эта заутреня осталась для Нехлюдова одним из самых светлых и сильных воспоминаний.

С правой стороны – мужики: старики в домодельных кафтанах и лаптях и молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шелковых платках, плисовых поддевках, с ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, в ботинках с подковками. Мужики крестились и кланялись, встряхивая волосами; женщины, особенно старушки, уставив выцветшие глаза на одну икону с свечами, крепко прижимали сложенные персты к платку на лбу, плечам и животу и, шепча что-то, перегибались стоя или падали на колени. Дети, подражая большим, старательно молились, когда на них смотрели. Золотой иконостас горел свечами, со всех сторон окружавшими обвитые золотом большие свечи.

В середине стояла аристократия: помещик с женою и сыном в матросской куртке, становой, телеграфист, купец в сапогах с бураками, старшина с медалью и справа от амвона, позади помещицы, Матрена Павловна в переливчатом лиловом платье и белой с каймою шали, и Катюша в белом платье с складочками на лифе, с голубым поясом и красным бантиком на черной голове.

Все было празднично, весело и прекрасно: и священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях, и нарядные добровольцы-певчие с масляными волосами, и веселые плясовые напевы праздничных песен, и непрерывное благословение народа священниками тройными, убранными цветами свечами, с все повторяемыми возгласами: “Христос воскрес! Христос воскрес!” Все было прекрасно, но лучше всего была Катюша в белом платье и голубом поясе, с красным бантиком на черной голове и с сияющими восторгом глазами.

В промежутке между ранней и поздней обедней Нехлюдов вышел из церкви. Рассвело уже настолько, что было видно, но солнце еще не вставало. На могилках вокруг церкви расселся народ. Катюша оставалась в церкви, и Нехлюдов остановился, ожидая ее.

Тут же подошел молодой улыбающийся мускулистый мужик в новой поддевке и зеленом кушаке.

– Христос воскрес, – сказал он, смеясь глазами, и, придвинувшись к Нехлюдову и обдав его особенным мужицким, приятным запахом, щечоча его своей курчавой бородой, в самую середину губ три раза поцеловал его своими крепкими, свежими губами.

В то время как Нехлюдов целовался с мужиком и брал от него темно-коричневое яйцо, показалось переливчатое платье Матрены Павловны и милая черная головка с красным бантиком.

Она тотчас же через головы шедших перед ней увидела его, и он видел, как просияло ее лицо.

Они вышли с Матреной Павловной на паперть и остановились, подавая нищим. Нищий, с красной, зажившей болячкой вместо носа, подошел к Катюше. Она достала из платка что-то, подала ему и потом приблизилась к нему и, не выражая ни малейшего отвращения, напротив, так же радостно сияя глазами, три раза поцеловалась. И в то время, как она целовалась с нищим, глаза ее встретились с взглядом Нехлюдова. Как будто она спрашивала: хорошо ли, так ли она делает?

“Так, так, милая, все хорошо, все прекрасно, люблю”.

Они сошли с паперти, и он подошел к ней. Он не хотел христосоваться, но только хотел быть ближе к ней.

– Христос воскрес! – сказала Матрена Павловна, склоняя голову и улыбаясь, с такой интонацией, которая говорила, что нынче все равны, и, обтерев рот свернутым мышкой платком, она потянулась к нему губами.

– Воистину, – отвечал Нехлюдов, целуясь.

Он оглянулся на Катюшу. Она вспыхнула и в ту же минуту приблизилась к нему.

– Христос воскрес, Дмитрий Иванович.

– Воистину воскрес, – сказал он. Они поцеловались два раза и как будто задумались, нужно ли еще, и как будто решив, что нужно, поцеловались в третий раз, и оба улыбнулись.

В любви между мужчиной и женщиной бывает всегда одна минута, когда любовь эта доходит до своего зенита, когда нет в ней ничего сознательного, рассудочного, и нет ничего чувственного. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь светло Христова воскресения. Когда он теперь вспоминал Катюшу, то из всех положений, в которых он видел ее, эта минута застилала все другие. Черная, гладкая, блестящая головка, белое платье со складками, девственно охватывающее ее стройный стан и невысокую грудь, и этот румянец, и эти нежные, чуть-чуть от бессонной ночи косящие глянцевиные черные глаза, и на всем ее существе две главные черты: чистота девственности любви не только к нему, – он знал это, – но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что только есть в мире, – к тому нищему, с которым она поцеловалась.

Он знал, что в ней была эта любовь, потому что он в себе в эту ночь и в это утро сознавал ее, и сознавал, что в этой любви он сливался с нею в одно». (719 слов.)

Думается, без каких-либо специальных разъяснений очевидно, что приведенные тексты достаточно сложны не только в лексическом и грамматическом отношении, но и (что нас в данном случае интересует прежде всего) в страноведческом и культурологическом аспектах, что требует от преподавателя, решившегося такие тексты использовать, не только тщательного учета национальной, конфессиональной специфики и уровня общекультурной и языковой подготовки аудитории, но и глубокого продумывания различных комментариев и заданий.

Заметим, что в **страноведческом** отношении в практике преподавания РКИ, как правило, представлены стандартные страноведческие вопросы, не связанные непосредственно с задачами характеристики особенностей русской духовности: Россия на карте мира, ее народы, ландшафт, климат и др. вопросы географического характера; государственно-политическое устройство; сведения об истории России, в том числе об истории русской письменности; Москва как столица и Санкт-Петербург как «культурная столица» России, другие российские города (краеведческий аспект, регионоведение); праздники в России (Новый год, Рождество, Масленица, Пасха, Международный женский день, День Победы и др.) и т. п. «Дальнейшая» разработка этой проблематики достаточно успешно ведется в коммуникологическом аспекте, как, например, в пособии А. В. Павловской [12], где, например, в разделе «Деловой этикет» даются конкретные рекомендации, когда лучше приезжать в Россию, где и когда разговаривать и делах, что дарить русским партнерам и др. На очереди – целенаправленное знакомство студентов-иностранцев и с глубинными особенностями духовно-религиозной жизни русских.

В **лингвокультурологическом** отношении наиболее актуальной представляется задача углубленного знакомства с духовно-религиозными основами русской культуры, причем не только в этноисторической акцентировке, как, например, в по-

собии Ю. А. Вьюнова [4], где рассматриваются вопросы о становлении Руси – России, о проявлениях русского характера в различных сферах общественной жизни, о русском предпринимательстве и «русской национальной идеологии», но и в духовно-религиозном, в том числе в религиозно-нравственном аспектах на основе знакомства с разнообразными видами русской «духовной прозы», что осуществляется в частности, в Институте русского языка им. А. С. Пушкина [10; 11].

В заключение подчеркнем: студенту-иностранцу, осваивающему русский язык, важно не только одновременно с этим осваивать и основные сведения об истории России и ее современном состоянии, о ее географии, экономике и культуре, поскольку без такого знания невозможно достаточно глубоко ни понимать тексты, ни успешно общаться с русскими, но и понимать глубинные духовно-религиозные основания русского характера, которые наиболее вытнотно, в доступной и яркой художественной форме отображены именно в литературе духовного реализма.

Список литературы

1. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста : курс лекций. Тверь : Тверской гос. ун-т, издатель А. Н. Кондратьев, 2013. 147 с.
2. Волков В. В., Гладилина И. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие. Тверь : Тверской гос. ун-т, издатель А. Н. Кондратьев, 2013. 156 с.
3. Волков В. В., Гладилина И. В., Скаковская Л. Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.
4. Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России : учеб. пособ. М. : Флинта, 2017. 482 с.
5. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Языковая репрезентация концепта *Высшие формы опыта* в произведениях русской литературы XIX–XXI веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 135–141.
6. Гоголь Н. В. О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии // Гоголь Н. В. Полное собр. соч. и писем : в 17 т. Т. 6 : Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. М. ; Киев : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. С. 305–313.
7. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М. : Изд. совет Рус. Правосл. Церкви, 2003. 1056 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/v-gornile-sommenij/>.
8. Кушнир О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI веков. Вопросы динамической лингвоконцептологии : дис. ... докт. филол. н. 10.02.01 / О. Н. Кушнир ; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 406 с.
9. Леонов И. С. Изучение современной русской духовной прозы в рамках проекта «Русский язык, литература и культура сегодня» (Гуманитарный мир современной России) // *Studia Humanitatis*. 2013. № 1. С. 11.
10. Леонов И. С. Современная духовная проза: типология и поэтика // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 4 (221). С. 89–95.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе // *Вестник славянских культур*. 2008. Т. IX. № 1–2. С. 113–120.

12. Павловская А. В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 96 с.
13. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (Образовательный курс) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2013. № 4. С. 107–216.
14. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2012. № 4. С. 56–103.
15. Скаковская Л. Н. К вопросу о коммуникативной функции современных национальных литератур // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 140–145.

**THE LITERATURE OF SPIRITUAL REALISM
IN THE ANTHROPOCENTRIC CONTEXT
OF THE TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

¹I. V. Gladilina, ²L. N. Skakovskaya

Tver State University

¹*the Department of Russian Language*

²*the Department of International Relations*

The subject of this article is the application of the literature of spiritual realism in the teaching of Russian as a foreign language in the anthropocentric context. The philological and didactical expediency of application of the literature of spiritual realism is substantiated, the issues of suitable writers and their works are considered.

Keywords: *teaching of Russian as a foreign language, orthodox world view, spiritual realism, anthropocentricity.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: education@tversu.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of International Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: education@tversu.ru.